

the People's Republic of China. — Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1917212.shtml. — Date of access: 01.04.2022.

3. Gayl, Fr. Why US will lose a war with China over Taiwan island [Electronic resource] / Fr. Gayl // Global Times. — 27.04.2021. — Mode of access: <https://www.globaltimes.cn/page/202104/1222217.shtml>. — Date of access: 03.04.2022.

4. Greene, O. China and Taiwan: why the war of words is unlikely to lead to military conflict (for now, at least) [Electronic resource] / O. Greene, Ch. Bluth // The Conversation. — 12.10.2021. — Mode of access: <https://theconversation.com/china-and-taiwan-why-the-war-of-words-is-unlikely-to-lead-to-military-conflict-for-now-at-least-169746>. — Date of access: 01.04.2022.

5. Svensson, P. The Liberty Times Editorial: Taiwan's fate is not Afghanistan / P. Svensson [Electronic resource] // Taipei Times. — 04.09.2021. — Mode of access: <https://taipeitimes.com/News/editorials/archives/2021/09/04/2003763756>. — Date of access: 02.11.2021.

6. Wushuang, S. Yi. Afghanistan withdrawal has Taiwan pondering its alliance with the US — and China is upping the pressure [Electronic resource] / S. Wushuang Yi, Ch. Hou // The Conversation. — 08.09.2021. — Mode of access: <https://theconversation.com/afghanistan-withdrawal-has-taiwan-pondering-its-alliance-with-the-us-and-china-is-upping-the-pressure-166713>. — Date of access: 01.04.2022.

РОЛЬ «ЦИФРОВЫХ ПУБЛИК» В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ ОБ УКРАИНЕ В МИРЕ

А. Н. Сытник

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., 7/9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: a.sytnik@spbu.ru*

В статье исследуется вопрос влияния цифровых публик (аудиторий социальных сетей, пишущих на схожие темы) на мировое общественное дискурсивное поле о современной Украине. Автор показывает, что пользователи социальных сетей все больше формируют нарратив об Украине в мире с помощью: публикации постов на иностранных языках и репортажей о конфликте; проекции своих политических и идеологических предубеждений на онлайн-дискуссию о конфликте; просто количества своих голосов; и, наконец, постов в социальных сетях, написанных ради отвержения навязанного нарратива или опубликованных будучи под информационным влиянием мульти-акторов конфликта. Цифровые публики действительно активно участвуют в глобальном публичном дискурсивном поле битвы по украинской дилемме, формируя в онлайн-пространстве специальные тематические структуры и, тем самым, осуществляя «краудсорсинг» нарративов, что, безусловно, увеличивает масштаб информационной войны и делает ее менее подконтрольной государственным акторам. Предлагаемый обзор актуальной литературы обеспечит более глубокий контекст и понимание условий современной информационной войны.

Ключевые слова: информационная война; Украина; социальные сети; нарратив; Россия; Запад.

THE ROLE OF «DIGITAL PUBLICS» IN INFORMATION WARFARE ABOUT UKRAINE IN THE WORLD

A. N. Sytnik

St. Petersburg State University,
Universitetskaya emb., 7/9, 199034, St. Petersburg, Russia,
e-mail: a.sytnik@spbu.ru

The article examines the issue of the influence of digital publics (audiences of social networks writing on similar topics) on the global public discursive field about modern Ukraine. The author shows that social network users are increasingly forming a narrative about Ukraine in the world with the help of: publishing posts in foreign languages and reporting on the conflict; projecting their political and ideological biases on the online discussion about the conflict; simply the number of their voices; and, finally, social media posts written to reject the imposed narrative or published under the informational influence of the multi-actors of the conflict. Digital publics are indeed actively participating in the global public discursive battlefield of the Ukrainian dilemma, forming special thematic structures in the online space and, thereby, «crowdsourcing» narratives, which certainly increases the scale of the information warfare and makes it less controlled by state actors. The proposed review of current literature will provide a deeper context and understanding of the conditions of modern information warfare.

Keywords: information warfare; Ukraine; social networks; narrative; Russia; West.

Согласно гипотезе «квантового разума» А. Вендта, государства являются проекциями разума каждого человека, и, наоборот, взаимное влияние международной анархии и государств отражается в сознании и практике индивидов [1]. В российско-украинской «войне слов» или «войне нарративов» пользователи социальных сетей являются активными участниками информационной войны, а не просто мишенями. Посты обычных пользователей создают нарративы, нарративы формируют политические представления или идентичности, которые действуют как движущие силы внешней политики, подрывая власть и влияние государств на ход мировой политики. При этом личные нарративы отражают обобщенные истории, поскольку они формируются внутри абсолютизированных нарративов в цифровой фрагментированной политической реальности [2]. Целью данной статьи является исследование влияния цифровых публик на мировое общественное дискурсивное поле о современной Украине. Под цифровыми публикациями подразумеваются онлайн-аудитории, которые существуют на цифровых платформах и обсуждают общие темы. Предлагаемый обзор призван обеспечить более глубокий контекст и понимание условий современной информационной войны.

24 февраля 2022 г. в одночасье изменилась сама архитектура европейской безопасности и судьбы целых народов. Президент

Российской Федерации Владимир Путин в прямом эфире объявил о начале того, что он назвал «Специальной военной операцией (СВО)» в Украине [3]. Однако российско-украинский конфликт, а также связанное с ним информационное противостояние велось задолго до начала СВО и их характеристики гораздо шире, чем противостояние двух стран. По сути, конфликт в Украине является кульминацией конкурентного поиска влияния на постсоветском пространстве, причиной и следствием многолетнего кризиса в отношениях между ЕС и Россией и, шире, между Россией и Западом [4]. Кроме того, конфликт сам по себе вернул никогда не исчезнувшую в сознании «холодную войну» и по сей день является реструктуризацией отношений между Востоком и Западом [5].

Украинский конфликт стал «первой войной в социальных сетях» [6] и «испытательным полигоном» для нескольких акторов для проверки методов и инструментов информационной войны [7]. Е. Головченко и др. [8, с. 975] рассматривают «информационную войну» в украинском конфликте как «ряд стратегических кампаний по завоеванию местного и глобального общественного мнения, в значительной степени организованных Кремлем и прозападными властями». И российские, и западные власти признают, что современная информационная война в социальных сетях представляет собой смесь демократической активности и иностранного влияния во внутренних делах с целью использования информации в геополитических целях [9]. Таким образом, рядовые пользователи социальных сетей являются активными участниками информационной войны в украинском конфликте.

Анализ информационного противостояния относительно развития событий в Украине подтверждает, что все большее влияние на формирование этого конфликта приобретают рядовые пользователи. Ученые, изучающие массовые протесты в Украине с течением времени, утверждают, что основное различие между «Оранжевой революцией» и «Евромайданом» заключается в возросшей роли гражданского общества: первая была организована в основном оппозицией, а вторая была инициативой пользователей социальных сетей с неожиданными отдаленными результатами [10; 11]. М. Красноденбская (2018) применяет теорию Гадамера о трансформации смысла в коммуникативных процессах, чтобы доказать, что во время протестов «Евромайдана» местные активисты трансформировали и по-новому использовали нарративы, распространяемые международными акторами [12].

Начало дискуссий в социальных сетях о территории и населении Донбасса также было положено на рубеже 2013—2014 гг. Анализ активности *#SaveDonbassPeople* в Твиттере свидетель-

ствуется о том, что ведущую роль в кампании сыграли активисты, а не медийные организации или знаменитости [13]. Исследование украинского национального сегмента *Facebook* показывает, что украинские влиятельные пользователи (элиты), публикуя посты в *Facebook*, смогли сформировать негативный дискурс по отношению к населению Донбасса [14].

Более того, изучение аудитории Твиттера в рамках как протестов Евромайдана, так и конфликта на Донбассе выявляет влияние рядовых пользователей Твиттера на интернационализацию конфликта, выражающееся в постепенном уменьшении твитов на русском и украинском языках и росте твитов на иностранных языках, особенно на английском. Большинство сообщений в поддержку одной из двух сторон были написаны на английском или русском языке, а твиты на украинском языке были в небольшом количестве [15]. Украинские лица и учреждения, которые они представляют внутри страны и за ее пределами, находящиеся под сильным влиянием *PR*-практик и национального брендинга, мастерски формируют нарратив о войне в социальных сетях *Twitter*, *Instagram*, *Reddit*, *Telegram* и *TikTok*, в основном ориентированных на внешнюю аудиторию [16]. Помимо этого, М. Оджала и др. (2016) подчеркивают растущее влияние «военных корреспондентов» в освещении украинского конфликта и выделяют четыре наиболее заметные роли цифровых публик как участников информационной войны и нового типа технологической среды публичного общения из зоны конфликта: распространитель, переводчик, адвокат и создатель сообщества [17].

Посты проукраинских и пророссийских интернет-сообществ в социальных сетях о войне на Донбассе и крымском вопросе способствовали распространению взаимоисключающих взглядов на ее итоги. Авторы обнаружили влияние рядовых пользователей на усиление поляризации аудитории социальных сетей, пишущих о конфликте. Естественные предубеждения аудитории уникальным образом меняют повествование: например, националисты восхваляют историческую мощь России, а коммунисты ругают капитализм [18; 19]. Общественность социальных сетей также активно использует продвигаемые Кремлем идеологические аргументы: неоконсерватизм и защита традиций против неолиберализма, многополярность против однополярности, евразийская цивилизация против атлантической цивилизации под руководством США [20].

Однако пользователи не всегда подвержены влиянию со стороны мульти-акторов конфликта. Исследование настроений в социальных сетях по поводу протестов «Евромайдана» в России, Украине и на Западе обнаруживает большую поддержку в рус-

скоязычных сообщениях в социальных сетях и большую критику этих процессов на Западе, чем ожидалось, учитывая дискурс правительства и СМИ в этих странах [21]. Фактически украинский кейс опровергает предположение о том, что аудитория уязвима для стратегического нарратива иностранного государства: настойчивость и ярость антироссийского украинского нарратива, а не российская пропаганда, иногда является главной причиной перехода в российский «информационный лагерь» [22].

Ссылаясь на цитату главного редактора российских государственных СМИ М. Симоньян (2013) о том, что «нет объективности — только приближение к истине как можно большим количеством разных голосов», Р. Торнсон (2015) делает важный аргумент, что не столько качество, сколько количество распространяемой информации важно для исхода операций информационной войны [23; 24]. Хотя эта идея указывает на влияние масс пользователей на формирование конфликта, стоит отметить важную тенденцию в этом контексте. Нарратив об украинском конфликте в социальных сетях частично искусственно контролируется государственными и негосударственными субъектами, которые манипулируют трафиком социальных сетей с помощью так называемых ботов и троллей [25]. Тем не менее ученые отмечают, что возможности зарубежных стран постепенно сокращаются из-за «Сплинтернета», цензуры и различных мер по борьбе с компьютерной пропагандой [26; 27]. Внутри российского «суверенного интернета» сообщения в адрес Украины в основном укладываются в рамки российского государственного дискурса, тогда как на Западе интернет более оспариваемый и подвергается кампаниям влияния [26]. Поэтому, учитывая вышеизложенное и активность украинских пользователей на английском языке, стоит предположить, что ключевая война нарративов о конфликте происходит в русскоязычном и англоязычном сегментах социальных сетей.

Подводя итог, обзор литературы о роли аудитории социальных сетей в информационной войне вокруг Украины показывает, что пользователи социальных сетей все больше формируют нарратив об Украине в мире с помощью: публикации постов на иностранных языках и репортажей о конфликте; проекции своих политических и идеологических предубеждений на онлайн-дискуссию о конфликте; просто количества своих голосов; и, наконец, постов в социальных сетях, написанных ради отвержения «навязанного» нарратива или опубликованных будучи под информационным влиянием мульти-акторов конфликта. Цифровые публики действительно активно участвуют в глобальном публичном дискурсивном поле битвы по украинской дилемме,

формируя в онлайн-пространстве специальные структуры (нарративы) и, тем самым, осуществляя «краудсорсинг» нарративов, что, безусловно, увеличивает масштаб информационной войны и делает ее менее подконтрольной государственным акторам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Wendt, A. Quantum mind and social science / A. Wendt. — Cambridge: Cambridge University Press, 2015. — 366 p.
2. Цветкова, Н. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности / Н. Цветкова, А. Сытник, Т. Гришанина // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Междунар. отношения. — 2022. — № 15(2). — С. 174—196.
3. Обращение Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России. — 24.02.2022. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>. — Дата доступа: 14.09.2022.
4. Mearsheimer, J. J. Why the Ukraine crisis is the West's fault: the liberal delusions that provoked Putin / John J. Mearsheimer // Foreign Affairs. — 2014. — Vol. 93, N 5. — P. 77—89.
5. Freire, M. R. Ukraine and the Restructuring of East-West Relations / M. R. Freire // The Russian Challenge to the European Security Environment. — Palgrave Macmillan, Cham, 2017. — P. 189—209.
6. Suci, P. Is Russia's Invasion of Ukraine The First Social Media War? [Electronic resource] // Forbes. — 01.03.2022. — Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/petersuci/2022/03/01/is-russias-invasion-of-ukraine-the-first-social-media-war/?sh=3e6d10641c5c>. — Date of access: 14.09.2022.
7. Mölder, H. Information warfare as the Hobbesian concept of modern times—the principles, techniques, and tools of Russian information operations in the Donbass / H. Mölder, V. Sazonov // The Journal of Slavic Military Studies. — 2018. — Vol. 31, N 3. — P. 308—328.
8. Golovchenko, Y. State, media and civil society in the information warfare over Ukraine: citizen curators of digital disinformation / Y. Golovchenko, M. Hartmann, R. Adler-Nissen // International Affairs. — 2018. — Vol. 94, N 5. — P. 975—994.
9. Klein, H. Information warfare and information operations: Russian and US perspectives / H. Klein // Journal of International Affairs. — 2018. — Vol. 71, N 1.5. — P. 135—142.
10. Khmelko, I. An anatomy of mass protests: The Orange Revolution and Euromaidan compared / I. Khmelko, Y. Pereguda // Communist and Post-Communist Studies. — 2014. — Vol. 47, N 2. — P. 227—236.
11. Bohdanova, T. Unexpected revolution: the role of social media in Ukraine's Euromaidan uprising / T. Bohdanova // European View. — 2014. — Vol. 13, N 1. — P. 133—142.
12. Krasnodębska, M. The Ukraine crisis as an unintended consequence of the EU's public diplomacy: Reception of the EU's narratives in Ukraine / M. Krasnodębska // The Hague Journal of Diplomacy. — 2018. — Vol. 13, N 3. — P. 345—365.

13. Makhortykh, M. # SaveDonbassPeople: Twitter, propaganda, and conflict in Eastern Ukraine / Y. Lyebiedyev, M. Makhortykh // *The Communication Review*. — 2015. — Vol. 18, N 4. — P. 239–270.

14. Токарев, А. А. Дискурс украинских элит в отношении территории и населения Донбасса 2009–2018 гг.: анализ национального сегмента Facebook / А. А. Токарев // *Вестник МГИМО-Университета*. — 2018. — № 6 (63). — С. 194–211.

15. Makhortykh, M. # NoKievNazi: Social Media, Historical Memory and Securitization in the Ukraine Crisis / M. Makhortykh // *Memory and securitization in contemporary Europe*. — London: Palgrave Macmillan, 2018. — P. 219–247.

16. Bolin, G. From nation branding to information warfare: The management of information in the Ukraine–Russia conflict / G. Bolin, P. Jordan, P. Ståhlberg // *Media and the Ukraine Crises: Hybrid media practice and narratives of conflict* / [ed.] Mervi Pantti. — New York: Peter Lang Publishing Group, 2016. — P. 3–18.

17. Ojala, M. Professional role enactment amid information warfare: War correspondents tweeting on the Ukraine conflict / M. Ojala, M. Pantti, J. Kangas // *Journalism*. — 2018. — Vol. 19, N 3. — P. 297–313.

18. Jaitner, M. Russian information warfare: Lessons from Ukraine / M. Jaitner // *Cyber war in perspective: Russian aggression against Ukraine* / ed. by K. Geers. — Tallinn: NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence, 2015. — P. 87–94.

19. Makhortykh, M. Social media and visual framing of the conflict in Eastern Ukraine / M. Makhortykh, M. Sydorova // *Media, war & conflict*. — 2017. — Vol. 10, N 3. — P. 359–381.

20. Darczewska, J. The anatomy of Russian information warfare. The Crimean operation, a case study / J. Darczewska [Electronic resource] // *Ośrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpia*. — Mode of access: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/the_anatomy_of_russian_information_warfare.pdf. — Date of access: 14.09.2022.

21. Etling, B. Russia, Ukraine, and the West: Social media sentiment in the Euromaidan protests / B. Etling; Berkman Center Research Publication (September 2014) [Electronic resource] // Digital Access to Scholarship in Harvard. — Mode of access: https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/13031958/IM_RussiaUkraineandtheWest.pdf?sequence=1&isAllowed=y. — Date of access: 14.09.2022.

22. Szostek, J. Nothing is true? The credibility of news and conflicting narratives during «information war» in Ukraine / J. Szostek // *The international journal of press/politics*. — 2018. — Vol. 23, N 1. — P. 116–135.

23. Russia Today's Editor-In-Chief: 'The West Never Got Over the Cold War Stereotype' [Electronic resource] // *Der Spiegel*. — 13.08.2013. — Mode of access: <https://www.spiegel.de/international/world/spiegel-interview-russia-today-editor-in-chief-margarita-simonyan-a-916356.html>. — Date of access: 14.09.2022.

24. Thornton, R. The changing nature of modern warfare: responding to Russian information warfare / R. Thornton // *The RUSI Journal*. — 2015. — Vol. 160, N 4. — P. 40–48.

25. Boyte, K. J. An analysis of the social-media technology, tactics, and narratives used to control perception in the propaganda war over Ukraine / K. J. Boyte // Journal of Information Warfare. — 2017. — Vol. 16, N 1. — P. 88—111.

26. Ciuriak, D. The Role of Social Media in Russia's War on Ukraine / D. Ciuriak [Electronic resource] // SSRN. — 13.08.2013. — Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4078863. — Date of access: 14.09.2022.

27. Golovchenko, Y. Fighting Propaganda with Censorship: A Study of the Ukrainian Ban on Russian Social Media / Y. Golovchenko // The Journal of Politics. — 2022. — Vol. 84, N 2. — P. 639—654.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СО СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

М. И. Тертель

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: miroslawtertel@gmail.com*

В статье выявлены и охарактеризованы основные направления развития политических и торгово-экономических отношений между Российской Федерацией и странами Латинской Америки.

Сделан вывод о последовательном и неизменном стремлении отдельных стран латиноамериканского региона к развитию конструктивных, сбалансированных, дружественных и взаимовыгодных отношений с Российской Федерацией.

Ключевые слова: Российская Федерация; Латинская Америка; международные отношения; МЕРКОСУР; дипломатия.

PROSPECTS FOR DEVELOPMENT OF RELATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH LATIN AMERICAN COUNTRIES

M. I. Tertel

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: miroslawtertel@gmail.com*

The article identifies and characterizes the main directions of development of political, trade and economic relations between the Russian Federation and Latin American countries.

The conclusion is made about the consistent and unchanging striving of the Latin American region's countries for developing constructive, balanced, friendly and mutually beneficial relations with the Russian Federation.

Keywords: Russian Federation; Latin America; international relations; Southern Common Market; diplomacy.